

Сарабьев А.В.
Заря исламистской проблематики Ближнего Востока: «Магометанское братство» в
Сирии в начале XX в.

DOI 10.31162/2618-9569-2019-12-3-665-688
УДК 930.85

Original Paper
Оригинальная статья

Заря исламистской проблематики Ближнего Востока: «Магометанское братство» в Сирии в начале XX в.

А.В. Сарабьев

*Институт востоковедения Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-9796-2411, e-mail: alsaraby@ivran.ru*

Резюме: Продолжающиеся уже много лет трагические события на Ближнем Востоке, связанные с религиозными лозунгами и активностью экстремистских организаций исламистского толка, заставляют обращаться к истокам этих движений. Анализ документов и свидетельств той поры позволяет сделать вывод, что начало борьбы и пропаганды в регионе исламистских организаций следует относить к периоду более раннему, чем это принято, а именно к первым годам XX в. Основными материалами автору послужили донесения российского консула в Дамаске, князя Бориса Николаевича Шаховского (1870–1926). Дипломат детально описывал развернутую в 1909 г. в Дамаске работу отделения организации «Магометанское братство». Как в случае с почти одноименной египетской организацией, созданной в 1928 г., которую на этапе ее основания некоторые исследователи связывают с английской разведкой, Шаховской полагал, что и в его время англичане были заинтересованы в дестабилизации общественной безопасности в сирийских районах и использовали ее потенциал в интересах Британии. Эта мысль нашла свои подтверждения как в документах тех лет, так и позднее, вплоть до настоящего времени.

Ключевые слова: исламизм, исламский модернизм, мусульманский экстремизм, межконфессиональные отношения, российские дипломаты, Османская империя, Дамаск, «Магометанское братство»

Для цитирования: Сарабьев А.В. Заря исламистской проблематики Ближнего Востока: «Магометанское братство» в Сирии в начале XX в. *Minbar. Islamic Studies*. 2019; 12(3):665–688. DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-3-665-688

Контент доступен под лицензией Creative Commons
Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution
4.0 License.

Dawn of the Middle East Islamism: «Mohammedan Brotherhood» in Syria in the early 20th century

A.V. Sarabiev

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

ORCID: 0000-0002-9796-2411, e-mail: alsaraby@ivran.ru

Abstract: The tragic events in the Middle East that have been going on for many years, connected with religious slogans and the activism of extremist Islamist organizations, force us to turn to the origins of these movements. Analysis of documents and evidence of that time allows us to conclude that the beginning of the struggle and propaganda of Islamist organizations in the region should be attributed to the period earlier than it was accepted, namely to the early years of the 20th century. The main materials, used by the author, were the reports of the Russian consul in Damascus, Prince Boris N. Shakhovskoy (1870–1926). This diplomat described in detail the work of local branch of the organization «Mohammedan Brotherhood», which was launched in 1909 in Damascus as well. As it was the case with the almost namesake Egyptian organization, established in 1928, which at the time of its foundation, some researchers associated with the British intelligence, Shakhovskoy in his time also believed that the British were interested in destabilization of public security in Syrian regions and used its potential in the interests of Britain. This notion is confirmed both in the earlier period and later, until today.

Keywords: Islamism, Islamic modernism, Muslim extremism, interfaith relations, Russian diplomats, Ottoman Empire, Damascus, «Mohammedan Brotherhood»

For citation: Sarabiev A.V. Dawn of the Middle East Islamism: «Mohammedan Brotherhood» in Syria in the early 20th century. *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12 (3):665-688. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-3-665-688

Накал политической борьбы «младотурецкого» периода

В истории Османской империи Младотурецкая революция 1908 г. стала как бы кульминацией заключительного акта ее многовекового существования. Этот революционный процесс, завершившийся сменой власти в Османской империи, начался с обнародования 24 июля 1908 г. декрета (ирадэ) султана о введении демократической конституции – под нажимом реформаторского движения младотурок, охватившего как собственно турецкие, так и арабские территории империи. Революция явилась вполне закономерным, но оттого не менее трагичным явлением для судьбы империи-халифата. Нацио-

нальные чаяния составлявших ее народов подогревались аппетитами классических колониальных держав, бравших на себя роль гарантов их прав перед лицом угасавшей центральной власти Блистательной Порты.

Восточный вопрос слишком занимал умы тогдашних европейских геополитических конкурентов, а экономические интересы основных игроков в масштабах всей Европы, всего Средиземноморья и Западной Азии уже напрямую сталкивались с необходимостью перекройки территориально-административных границ. В свою очередь, внутренние процессы в Османской империи, связанные с естественным подъемом национального самосознания народов, было не остановить, тем более что жестокость османского аппарата подавления сразу вызывала громкий резонанс, который использовался внешними силами в своих интересах.

В тех условиях даже жестокий и волевой османский султан Абдул-Хамид II (1842–1918, султан с 1876 по 1909 гг.) уже не мог спасти империю от распада. Младотурецкое движение, подняв на щит принципы демократизма в управлении и пантюркизма в идеологии, набирало силу и все больше отодвигало от власти консервативные политические силы, главной из которых к тому моменту стал блок Хюрриет ве иттиляф («Свобода и согласие», так называемые иттиляфисты). Впрочем, эта сила не была в состоянии в полной мере опереться на массы мусульманского населения, для которых подлинными авторитетами оставались уважаемые ими имамы-хатыбы, шейхи разных суфийских тарикатов и другие религиозные лидеры. В парламенте с этой могучей силой солидаризовались представители Либерального союза, Ахрар (до четырех десятков депутатов).

Для большинства простых мусульман все происходившие политические преобразования выглядели отходом от того, что было предписано их верой и являлось наиболее подходящей формой управления уммой – с преемником праведных халифов во главе. Поэтому по-настоящему консервативные круги, особенно клерикальные, опиравшиеся на городские низы и сельское население, с легкостью могли объединить народ в пользу султана, как только настал бы удобный момент. И он настал в марте 1909 г., когда султан еще продолжал оставаться у власти, ограниченный в принятии решений Конституцией (1876) и парламентом младотурок, которые пока еще не выстроили жестких властных линий и опасались открыто противопоставлять в умах сограждан республику и халифат.

Подробно описанный в работах историков «контрреволюционный мятеж» сторонников неограниченной власти султана-халифа в марте-апреле 1909 г. закономерно завершился их поражением – вместе с низложением этого для тогдашней Европы символа автократического правления, обладавшего мощными прерогативами теократии. Кстати, в отличие от монархической идеи в христианской цивилизации, управление уммой от лица мусульманина-халифа предписано богословско-правовыми положениями ислама, и главное, оно основано непосредственно на религиозном писании мусульман.

Набиравшая силу волна светских прогрессивных идей быстро размывала многовековой османский дом, мусульманскую империю. Кроме того, явный панисламистский курс султана, принятый им в качестве объединяющего «османскую нацию», противопоставлял друг другу разные общины империи, расширяя брешь в стене османского дома. Непродуманная религиозная политика Порты стала, возможно, самым слабым ее местом, чем старались воспользоваться внешние силы: с одной стороны, европейские державы постоянно возвращались к предлогу защиты христианских меньшинств, а с другой – провозглашенную панисламистскую идею использовали в своих интересах разные силы, имеющие явные политические амбиции¹. С этими наблюдениями и может быть связано одно важное обстоятельство упомянутой попытки реставрации монархии.

Антиправительственный мятеж и подъем джихадизма: конвергенция или политическая тактика?

Как раз в тот момент в арабских восточных провинциях дала о себе знать мусульманская организация, сразу привлекая в число своих сторонников огромные массы верующих. Она пришла под лозунгами искоренения западного влияния и утверждения шариата как закона для населения империи-халифата. Так что предпринятая попытка реставрации полновластия султана в Стамбуле была поддержана далеко не просто консерваторами, сторонниками старых порядков. По крайней мере, в сирийских районах этот мятеж опирался на чисто исламистскую пропаганду структуры, поразительно вовремя проникшую в среду религиозных лидеров Дамаска.

¹ Яркий пример такого рода – египетский идеолог исламизма, верховный муфтий Египта Мухаммад Абдо (1849–1905). По мнению отечественного историка Б.Г. Сейраняна, в свой последний период жизни шейх Мухаммад Абдо считал лучшей формой политического устройства в условиях оккупации именно британскую модель [1].

Речь идет о дамасской ячейке некоего «Магометанского братства» с центром в Стамбуле, агитация которого среди сирийских мусульман была в высшей степени успешной. Об этой организации подробно докладывал российский консул в Дамаске, князь Борис Николаевич Шаховской (1870–1926)¹ в своих донесениях в наше посольство в Константинополе (Стамбуле), дублированных в 1-й департамент МИДа. Документы содержат интереснейшие сведения о тогдашней ситуации в регионе, причем темы донесений (политика младотурок, партийная агитация, действия местной администрации, настроения групп населения, отношения между представителями конфессиональных общин, сведения о передислокациях турецких гарнизонов, политические маневры иностранных консулов и др.) представлены им, как правило, взаимосвязанными. Документы хранятся в Архиве внешней политики Российской империи в Москве, и полные тексты некоторых из них были не так давно опубликованы².

Как и все наши дипломаты на местах в Леванте, консул Б.Н. Шаховской много сил отдавал отслеживанию межконфессиональной ситуации в сирийском социуме. Она являлась для него, естественно, важнейшим показателем общественной безопасности в сложном контексте внешнеполитических интересов мировых держав и внутренних процессов политических преобразований после Младотурецкой революции. И особенно показательным было нараставшее недовольство местных мусульман, подогреваемое вообще панисламистскими движениями в империи. Поэтому вполне объяснимым стало то внимание, которое Б.Н. Шаховской проявил к исламистской организации Дамаска, имевшей, по всей видимости, уже тогда сетевую структуру.

Он писал, что в начале марта 1909 г. «улемы собрались в доме шейха Аджлани и дали присягу в том, что присоединяются к «братству», так называемому «Аль-ахай-ль-Мухаммеди» – Магометанское братство. Цель этого

¹ Отец его, князь Николай Иванович Шаховской, был юристом и за свои заслуги в свое время стал сенатором. Мать, урожденная Наталья Алексеевна Трубецкая, была фрейлиной. Известно, что он доводился дядей будущему православному святому, архиепископу Сан-Францисскому Иоанну (Шаховскому). Учился в Лазаревском институте восточных языков в Москве, а затем прошел курс востоковедной подготовки на Факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета. С 1898 г. служил секретарем консульства в Дамаске, затем секретарем-драгоманом генконсульства в Эрзеруме. Был назначен консулом в Дамаск в марте 1907 г., отозван в конце 1914 г. «по случаю войны с Турцией», поступил в распоряжение Штаба Кавказской армии. После революции остался на дипломатической службе Советского государства. По весьма скудным сведениям, до 1924 г. он служил в Анкаре, а по возвращении из Турции состоял «ответственным переводчиком НКВД».

² А именно, восемь его донесений за период с октября 1908 по октябрь 1909 г. в [2, с. 261–319].

братства, – докладывал консул 27 марта (9 апреля) 1909 г., – уничтожить все законы и постановления, заимствованные у европейцев, и восстановить суд и законы шариата» [2, с. 287].

Вслед за известным историком, Львом Николаевичем Котловым, можно предположить, что речь идет о «Аль-Джамайия аль-мухаммадийя», или «Иттихад Мухаммеди» (Магометанская лига, или Союз Мухаммада), созданной в 1908 г. в Стамбуле неким Дервишем Вахдети [3, с. 185–190]. Авторы публикации приводимых архивных документов в этом убеждены [2, с. 237]. Отмечается также связь Лиги с дервишским орденом, или суфийским тарикатом ар-рифаййя (этот тарикат имел несколько ветвей: сайядитов, кайялитов, нуритов, иззитов, фанаритов и бурханитов). Но нельзя исключать возможности, что связь с суфизмом не была непосредственной, тем более что в донесениях Шаховского тарикат ар-рифаййя вообще нигде не упоминается. Так что это вполне могла быть более универсальная исламистская структура, которая даже не была суфийской. Кстати, Л.Н. Котлов пишет в другом месте, что Мусульманская лига была «очень активна в арабских вилайетах, особенно в Сирии, где значительная часть улемов увлекла за собой массу приверженцев «истинного ислама»» [3, с. 187]. Ясно, что такая характеристика больше подходит универсальному исламистскому течению, нежели суфийскому ордену с его особенными традициями и системой личной преданности мюридов шейхам. В любом случае, консул Шаховской ничего не сообщал ни о стамбульской головной организации, ни о суфийском характере учения организации. Он был однозначен в ее именовании «Магометанским братством», и это название (МБ) мы условимся использовать ниже.

Итак, в условиях противостояния младотурецкой и исламистской агитации главными действующими силами в сирийских областях были мусульмане, часть которых поддержала ведущую младотурецкую структуру – комитет Иттихад ве теракки («Единение и прогресс», так называемые иттихадисты). Они были настроены резко против МБ, что, как писал Шаховской, вызвало среди сирийских мусульман «большое разногласие и полную неурядицу» [2, с. 288]. То есть созданная исламистская организация действовала как бы в русле поддержки султанской власти, «старого режима», которую младотурки и их прогрессивные единомышленники из арабов окончательно сметут в апреле. Решением османского Меджлиса султан Абдул-Хамид был низложен 27 апреля 1909 г., но до этого момента на протяжении почти четырех недель

противники иттихадистов, имея перед собой мощный исламистский авангард, пытались как бы откатить назад политическую ситуацию и провозгласить победу шариата как основного закона для всей империи.

Налицо была путаница в идеях и лозунгах религиозного, националистического, конституционно-реформистского характеров, которая неизбежно вела к беспорядкам. Жители сирийских областей увлекались – с подачи своих муфтиев, нотаблей и заимов – то одними идеями, то другими, пытаясь стать на сторону одновременно религиозных предписаний и консерватизма, социальной справедливости и необходимости реформ, наконец, собственных интересов, порядка и стабильности. Эти противоречивые увлечения приводили лишь к неразберихе, которая усугублялась воинственностью арабского населения и вооружением его извне.

Извечный вопрос внешнего воздействия

Консул Б.Н. Шаховской, видимо, имел все основания усматривать связь англичан (прежде всего британского консульства в Дамаске) с местными исламистами. Он свидетельствовал: «Всюду и во всем смута, которая, несомненно, создается приверженцами старого режима <...> и поддерживается, по моему глубокому убеждению, моим здешним английским коллегой, который в лучших и интимных отношениях с весьма подозрительными в политическом отношении лицами. Масса мелочей, которые трудно сопоставить на бумаге, заставляют меня полагать, что Англия ищет, как бы вызвать смуту в Сирии и вообще в этой части Турции, и в этом убеждении меня еще более утверждают происшедшие на днях серьезные волнения среди хауранских друзов» [2, с. 288–289].

Говоря о друзьях, консул, должно быть, намекал на известную еще с 30-х годов XIX в. опору англичан на местное друзское население, материальную помощь и поставки ружей – еще в период маронитско-друзских столкновений почти за семь десятилетий до того. Впрочем, и накануне Младотурецкой революции англичане продолжили вооружение друзов, а заодно – шиитов и бедуинов. Опираясь на сведения, содержащиеся в записке от ноября 1907 г. офицера штаба Кавказского военного округа Б. Шелковникова, одна из авторов упомянутой монографии, историк Наталья Максевна Горбунова пишет: «Из Греции, где перевооружалась турецкая армия, поступали ружья системы «Гра», револьверы «Маузер», патроны к ним. Шелковников утверждал, что

посредниками в этой торговле являлись драгоман английского генконсульства в Бейруте Эспер Шухэр и английский консул в Дамаске г-н Дэви, а главными покупателями были друзья Ливана, мутуалии (т.е. шииты. – А.С.) и бедуины Северной Сирии» [2, с. 115].

Другим очевидцем и свидетелем событий, которые творились в Дамаске в то время, был Степан Семенович Кондурушкин (1874–1919)¹. В майском выпуске «Русского богатства» за 1909 г. он передавал тревожный настрой населения в момент обострения межконфессиональных отношений: «Напрасно взывает о помощи дамаский губернатор. Рядом с Дамаском друзья, которые могут подняться каждый час. Тем более что и туда проникает английское влияние. <...> В Хауране неспокойно. Друзья притесняют христиан. Это было и раньше, но теперь все стало страшнее. По настоянию русского дамаского консула, князя Шаховского, дамаский губернатор вызвал в Дамаск друзского шейха, Яхья Атраш, чтобы через него повлиять на друзов. Яхья Атраш большой умница и плут, но и с ним можно сговориться. Он приходит к русскому консулу и говорит: «Оставьте турецкое правительство в покое. Сговоримся без него. Я к вашим услугам... У некоторых умирающих перед смертью бывают светлые дни. Вот такие же светлые дни переживает теперь и Турция. Оставим ее умирать. Говорите, чего хотите вы, а я вам скажу, что могу сделать» [4, с. 68–69].

Активизм друзов пробудился в общей обстановке обострения отношений между общинами. Однако обращает на себя внимание то, что и МБ, и действия друзов наблюдатели связывали с политическими интригами англичан. Тогдашняя Сирия была областью стремительно слабеющей Османской империи, на которую свои аппетиты распространяли французы, англичане и даже отчасти итальянцы и немцы. Главным соперником Британии в тех районах была, конечно, Франция. Опираясь на некоторые общины и умело проводя свою политику влияния, англичане порой даже переигрывали французов в Сирии.

Будучи уже сложившимся журналистом и писателем, С.С. Кондурушкин давал меткую характеристику британской политике на Ближнем Востоке, по-

¹ На протяжении пяти лет он преподавал и состоял помощником инспектора русских школ Императорского Православного Палестинского общества по округу Рашайя (тогдашняя Сирия, а в настоящее время – территория Южного Ливана). С.С. Кондурушкин опубликовал в 1908–1910 гг. два сборника «Сирийских рассказов» и в тот же период печатал свои интереснейшие материалы в выпусках альманаха «Русское богатство».

видимому, опираясь как на собственные наблюдения, так и на господствовавшие тогда мнения и доступные сведения. Он писал: «Англия – это интересный Ванька-встанька, центр тяжести которого находится не в голове и сердцевине, а в широком дне его колоний. И чем тяжелее и компактнее будет это днище, тем устойчивее Ванька-встанька. И Англия прилагает громадные усилия, чтобы рассеянное по частям собрать и объединить воедино. По крайней мере, эти усилия очень заметны на Ближнем Востоке. Англичане скупают земли в Сирии: в Бассорском, Дамасском и Иерусалимском вилайетах. Англичанин Вилькоккс получил недавно концессию на орошение всей Месопотамской долины. Англичане хлопочут через руки туземцев о концессии на проведение железной дороги в Сирии: Триполи – Алеппо. ... Южная часть Малой Азии находится в сфере французского, а главным образом, английского влияния. Около Смирны есть даже несколько английских поселений» [4, с. 64–65].

Так что касательно смуты, готовившейся исламистами при поддержке англичан, то в этой части Ближнего Востока, которую Франция пыталась объявлять зоной своих «особых интересов», это было вполне вероятно. Точно так же Британия будет пестовать исламистов в Египте, когда станет ясно, что британский протекторат не может больше удерживаться на официальных, легитимных основаниях, а Суэцкий канал может-таки по истечении 99 лет (по условиям договора) перейти к египтянам. В 1928 г. Хасаном аль-Банной будет создана организация почти с таким же названием, как и сирийская предшественница – Аль-ихван аль-муслимун («Братья-мусульмане», БМ)¹. Французский исследователь Жиль Кепель так характеризует внутренние причины вызревания исламизма, которые и обусловили успех БМ: «Обстановка 20-х годов, в которой возникла ассоциация, характеризовалась глубокой растерянностью, охватившей мусульманский мир. Это был период апогея европейской колонизации, но на него пришлась и гибель стамбульского османского халифата, упраздненного в 1924 г. Ататюрком. Таким образом, мир ислама оказался одновременно растерзан на части христианскими державами и потрясен изнутри: халифат, символизировавший единство правоверных всего мира, был заменен турецкой и светской националистической республикой. Появление «Братьев-мусульман» явилось одной из форм реакции на эту растерянность» [5, с. 32–33]. Признавая все эти глубинные причины, некоторые,

¹ Организация запрещена в РФ.

впрочем, считают египетских БМ того времени детищем британских спецслужб [6, с. 33; 7, с. 51].

Несколько позднее Б.Н. Шаховской предрекал, что в скором времени Турция неизбежно должна была лишиться и своих арабских провинций, «так как Англия к этому ведет дело и хочет наложить свою руку на халифат»¹. При этом консул считал, что «в Сирии иностранная оккупация не только не встретит со стороны мусульман никакого сопротивления, но скорее будет встречена ими вполне сочувственно, и даже с нетерпением ожидается очень многими, так как все понимают теперь, что только при иностранной оккупации всякий сможет спокойно заниматься земледелием и промышленностью, не подвергаясь теперешним вымогательствам и злоупотреблениям со стороны властей, которые, с одной стороны, вымогают весь заработок, а с другой – не водворяют ни порядка, ни справедливости»².

Политический выбор и тактика «братьев»

Возвращаясь к проблеме внезапной вспышки активности дамаской МБ, можно отчасти согласиться, что со стороны местных мусульман это стало ответом на неприкрытую борьбу за власть и жесткие действия младотурок-иттихадистов. Консул Шаховской сетовал, что комитет Иттихад ве теракки действовал среди населения Дамаска «слишком вызывающе против улема (видимо, имеется в виду улемов, или áлимов – по-арабски ‘уламá. – А.С.) и шейхов». Он писал: «Это поведение комитета вызвало образование здесь отдела «Магометанского братства» в Константинополе и необычайный рост его в противовес комитету. Это братство с восторгом приветствовало падение кабинета Хильми-паши, скорее, падение влияния комитета «Единение и прогресс» и известие о восстановлении шариата. Узнав о содержании телеграммы нового великого визиря, коей последний оповещает волю халифа о соблюдении шариата, население устроило иллюминацию. В особенности было возбуждено предместье Мидан, жители коего наиболее фанатичны и составляют большинство членов «Магометанского братства». Они приветствовали восстановление шариата песнями, пальбой и шумными процессиями» [2, с. 290].

¹ АВПРИ. Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Д. 768. 1912–1914 гг. Донесение № 415 от 22 ноября 1912 г. Л. 92.

² Там же.

События, о которых идет речь в этом отрывке, представляли собой попытку осуществить переворот усилиями причудливого альянса – столичных либералов (ахрар) и сторонников Абдул-Хамида II, которая началась с мятежа стамбульского гарнизона в ночь на 31 марта 1909 г. (13 апреля по новому стилю). О том, как отозвались эти события в Сирии, пишет Л.Н. Котлов: «Члены воинствующей Мусульманской лиги терроризировали местное население. Они требовали поддержать выступления в защиту шариата и программу лидеров мятежа. В Дамаске была устроена иллюминация в связи с получением известий о перевороте» [3, с. 187–188].

Уже на пятый день в Дамаске была попытка провести масштабную акцию в поддержку установления шариата: жители района аль-Мидан 4 апреля (по старому стилю) собирались пойти демонстрацией (арада) в центр города, чтобы слиться с демонстрациями из других районов перед зданием Серая. Было намерение даже «разнести редакцию либерального журнала «Муктабес» и убить ее редактора Курда Али; после этого они должны были пойти в судебные учреждения и закрыть их как прекратившие свое существование вследствие восстановления шариата». Вали Назим-паша успешно упредил организаторов: «рано утром призвал к себе самых видных улема и послал их в Мидан, чтобы они там употребили все свое влияние и убедили миданцев отказать от своего намерения» [2, с. 292].

Сходные оценки пафоса исламистов в отстаивании верховенства шариата давал и С.С. Кондурушкин: «Мусульманское духовенство, почуяв в младотурках только один либеральный запах по религиозным вопросам, выкинуло над реакцией религиозный флаг и объявило их изменниками и вероотступниками. Мусульмане требуют точного применения в жизни мусульманского закона – шариата» [4, с. 74].

Как видно, сирийские мусульмане, в большинстве своем, не были готовы на вооруженную борьбу за идеи МБ. Даже политическое отстаивание предпочитаемого ими государственного устройства они с готовностью делегировали столичным политикам, а когда попытка сорвалась, в основном смирились со сложившимся положением. Со своей стороны, консул Б.Н. Шаховской был не склонен драматизировать ситуацию. Он, в частности, делал вывод, что мусульмане «готовы на всякие бесчинства только когда их к тому подстрекают, в противном же случае остаются совершенно спокойны, причем то или другое их настроение зависит исключительно от шейхов и улема, ко-

торые ими руководят» [2, с. 292]. Консул продолжал: «С известием о восстании шариата они, подстрекаемые своими шейхами, стали неузнаваемы и готовы были на всякие бесчинства, когда же пришло обратное известие, а затем известие о торжестве комитета «Единение и прогресс», они сразу снова успокоились и вошли в свою колею. «Магометанское братство», накануне торжествующее, теперь настолько притихло...» [2, с. 292]. Очевидно, речь шла лишь о некотором успокоении ситуации после настоящей паники среди населения некоторых сирийских районов, где, ожидая расправы от мусульманских радикалов, христиане и представители других общин даже стали покидать свои дома, уезжая к родственникам в Ливан и другие отдаленные места. Так что сторонники МБ, лишённые подстрекательства после провала мятежа, просто перестали открыто выражать свои чувства, в результате чего остальное население испытало явное облегчение.

И все же осуществленное младотурками-иттихадистами и закреплённое решением парламента от 27 апреля окончательное низложение султана Абдул-Хамида II, а затем призвание на престол наследного принца Мехмеда Решада-эфенди под именем Мехмеда V, были встречены с негодованием во многих частях арабских провинций. Л.Н. Котлов писал, что на Аравийском полуострове царствовало почти единодушное осуждение низложения султана-халифа, а в сирийских и иракских областях сторонники прежнего султана составляли значительную силу [3, с. 190].

Не была исчерпана, по всей видимости, и тема влияния МБ в арабских районах. Б.Н. Шаховской продолжал в своих донесениях оценивать исламистскую агитацию: «К сожалению, «Магометанское братство» не слишком смутилось последними константинопольскими событиями и низложением Абдул-Гамида, а решило продолжать свою борьбу с комитетом «Единение и прогресс» и исполнить программу своего вдохновителя, низложенного султана, и вызвать в Турции кровавые смуты, которые должны повлечь для Турции гибельные последствия» [2, с. 296]

Вскоре появились данные о попытке подкупа дамаских сановников «солидными суммами» от неких султанских эмиссаров, и в этом, пишет консул, «как оказывается, «Магометанское братство» едва не успело» [2, с. 296]. Вскрылось также следующее: «Оказывается, что тюремный бунт 14 апреля (донесение №129) был вызван помянутым братством, которое в хлебе и кислом молоке доставило арестантам оружие; удайся этот бунт, Дамаск не избег

бы кровавых смут; такие же бунты произошли 14-го же апреля в Алеппо и Бейруте, с успехом – только в бейрутской тюрьме, из которой бежало 14 самых важных преступников» [2, с. 296]

Б.Н. Шаховской утверждал, что 90% дамасского мусульманского населения к тому моменту являлись членами МБ. В свою очередь, Л.Н. Котлов, ссылаясь на воспоминания Мухаммада Курда-Али, тогдашнего редактора либерального издания «Муктабас», сообщал, что общее число последователей в Дамаске «Общества Мухаммада» (если все-таки можно отождествлять МБ с этой организацией) было около 70 тыс. человек [3, с. 186]. В любом случае, оценка в 90% мусульман может еще раз свидетельствовать в пользу тезиса о том, что МБ представляло собой вовсе не отделение суфийского ордена, а скорее всего, суннитскую организацию исламистского характера.

После реального захвата власти младотурками в Стамбуле, угроза нависла над дамасскими исламистами. «Они сначала не поверили телеграмме министра внутренних дел Реуфа-паши, коей предписывалось уничтожение «Магометанского братства» как очага интриг, так как они не могли допустить, что «Братство», носящее имя Пророка, могло быть официально названо очагом интриг, и считали сначала эту телеграмму выдумкой вали, но в этом скоро разочаровались и затаили свою злобу» [2, с. 297]. Иными словами, внешне положение выглядело нормализовавшимся, однако местные ультраконсервативно настроенные круги лишь смирились перед силой. В этой среде продолжало бродить глухое недовольство теми переменами, что были вызваны, по их мнению, пагубными для халифата демократическими веяниями с Запада. Учитывая неблагоприятный для империи внешний фон, стремление к независимости европейских провинций империи, расшатывание ситуации в ее африканских провинциях и продолжающиеся бунты армянского населения в самой Анатолии, мусульмане отлично понимали, что настает критический момент для самого существования империи-халифата. Фактор христианско-мусульманского размежевания, наряду с проникновением влияния в османское общество христианских держав, был для них слишком явным.

Факторы угрозы новой межконфессиональной розни

Уже спустя три дня после утверждения парламентом в Стамбуле нового султана консул излагал свое мнение о взаимной заинтересованности друг в друге европейцев и сторонников прежнего султана: младотурки были помехой для усиления влияния в османском обществе и тем, и другим. Преследуя эту цель, и те, и другие готовы были не остановиться даже перед общественным хаосом, гражданской войной – традиционно для Ближнего Востока конфессионально окрашенной. Консул писал: «При образовании «Магометанского братства» христиане не поняли всю глубину его цели, не поняли, что оно должно было дать Абдул-Гамиду возможность избавиться от ненавистного ему комитета, залив страну кровью и вызвав вмешательство Европы, которое при соперничестве держав не было ему страшно. Только теперь поняли цель этого «Братства»... Здешние мусульмане совершенно изменились, они не те, что были даже только 20–30 дней тому назад, стали сухи и сдержанны относительно христиан. Недели 3–4 тому назад масса ружей и револьверов, как это теперь установлено, были розданы «Магометанским братством» здешнему населению, причем оружие это привезено из Кайфы [Хайфы]. На днях я узнал, что ими же теперь послано много револьверов в окрестные Дамаску селения, что тоже предвещает мало хорошего. Из всех разноречивых слухов и конфиденциальных сведений я прихожу к заключению, что шейхи и улема не остановятся перед тем, чтобы вызвать кровавую смуту, если комитет начнет притеснять и преследовать членов Братства» [2, с. 298–299].

Впрочем, поведение шейхов на тот момент было весьма продуманным. Они явно пытались сохранить силы своей организации, да и собственные жизни, не провоцируя сторонников и членов МБ на выступления. Напротив, они умело лавировали и «перекрашивались». Консул Шаховской так писал об этом: ««Братство» преклонилось пока перед силой оружия, уstraшенное также осадным положением, установленным в Константинополе, тем более что комитет распространил слух, что после Константинополя осадное положение по очереди будет устанавливаться во всех вилайетах для устранения вредных элементов. Этот слух заставил всех шейхов обратиться в комитет с просьбой принять их членами, но последний колеблется принять их, зная их вероломство» [2, с. 298].

Такая тактика принесла свои результаты – репрессии почти не коснулись МБ. По крайней мере в Дамаске, как сообщал Шаховской в донесении от 30 апреля (13 мая) 1909 г., «Назим-паша ничего не предпринял против многих скомпрометированных членов «Братства», так что комитет и большинство христиан начинают подозревать, не состоит ли он сам членом «Братства»» [2, с. 299]. Может быть, правда, дело было в другом, а именно в недостатке средств для репрессий и нежелании снова рисковать вызвать бунты – уже в среде внутренних войск. «Если, с одной стороны, здесь нужны решительные меры для предотвращения смуты, – писал консул, – то с другой стороны, Назим-паша, по-моему, не может их принять теперь, так как в Дамаске совершенно нет теперь войск, а находящиеся здесь 2 батальона редифов (мобилизованного резерва. – А. С.), помимо недостаточности их, нельзя принимать в расчет, так как они набраны из местных жителей, зараженных духом «Братства»...» [2, с. 299].

С течением времени межконфессиональное напряжение несколько спало. Его очередной всплеск был связан с отголосками Триполитанской (или Итало-турецкой) войны, которые докатились до Восточного Средиземноморья в виде, например, обстрела с итальянских судов бейрутского рейда и порта в феврале 1912 г. На местных христиан падал гнев их сограждан мусульман, которые были возмущены действиями христианской державы, которая имела на Ближнем Востоке многочисленные миссии и которая была единой значительной частью местных христиан. После начала военных действий на Балканах дело дошло, по всей видимости, до развертывания активности местных исламистов. Снова появились угрожающие демонстрации мусульман – хорошо организованные и призывающие единоверцев объединиться против христиан, единоверных итальянцам, то есть местных католиков и униатов. В сентябре 1912 г. консул Шаховской сообщал: «Когда возникла Балканская война, все христианское население Дамаска переполошилось, опасаясь резни; большое впечатление производили на него воинственные демонстрации (арады) мусульман здешних и окрестных, которые процессиями дефилировали по городу, бряцая саблями и распевая песни против христиан, которые всячески поносились в них. Но дальше этого дешевого и безвредного для них проявления патриотизма мусульмане не пошли»¹.

¹ АВПРИ. Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Д. 768. Л. 68. Донесение №334 от 13 сентября 1912 г. Л. 89.

Арабские католики и униаты справедливо считались тогда находившимися под покровительством Франции, имевшей на Сирию и Ливан очень серьезные виды. То, что мусульмане выкрикивали лозунги против христиан, а не против вмешательства западных держав, может разворачивать вопрос следующим образом. Если принять, что демонстрации были не спонтанными, а тщательно спланированными, то в интересах их организаторов была определенная избирательность в лозунгах. Логично было бы предположить вообще антизападный настрой мусульман, и тогда единственным сдерживающим обстоятельством могло стать нежелание, чтобы среди объектов протеста оказалась сама организующая их сила.

К разгадке может подталкивать свидетельство автора донесения, Б.Н. Шаховского: «...Только, говорят мусульмане, если мы не можем остаться подданными Турции и должны подпасть иностранцам, то мы предпочитаем, чтобы нас взяли англичане, не французы только. Здешние мусульмане крайне враждебно настроены против французов, которые, по-видимому, плохо обращаются с мусульманами в Алжире и в Марокко, тогда как Англия обращается хорошо со своими мусульманами. Этим несомненным здесь английским симпатиям очень содействует деятельная пропаганда из Египта в пользу присоединения Сирии к Египту. Турция отжила свой век и, принимая во внимание настроение здешнего населения, я лично убежден, что скоро возникнет вопрос сиро-арабский. Третьего дня приехал сюда известный Ахмед Иззет паша¹, побывав предварительно в Англии и в Египте, и его приезду, конечно, приписывают – здесь очень любят это – политическое значение. Пока, конечно, ничего нельзя сказать относительно этого, но скоро выяснится, связан ли его приезд сюда, в его родной город, с какими-нибудь интригами»².

Противоречивые ходы исламистской идеологии

Вписывая действия сирийских исламистов тех лет в общий ход развития такого рода движений на Ближнем Востоке, достаточно трудно теперь восстановить, какими именно исламистскими идеями подпитывались сторонники МБ в Османской империи. Были ли это идеи модернизаторов ислама типа Мухаммада Абдо и Рашида Риды или же они обращались к работам

¹ Видимо, речь шла о начальнике Генштаба, генерале, вернувшемся недавно из командировки в Йемен.

² АВПРИ. Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Д. 768. Л. 68. Донесение № 334 от 13 сентября 1912 г. Л. 92–93.

более ранних алимов типа Джамал ад-Дина аль-Афгани. Нелегко выяснить также, каким образом опыт стамбульской исламистской организации времен Младотурецкой революции, обладавшей мощными отделениями в Сирии, а возможно, и в Египте и Ираке, повлиял на следующее поколение идеологов исламизма – Махмуда Шальтута, Хасана аль-Банну и Саййида Кутба. Ясно только, что всем им приходилось действовать в условиях колонизации (в той или иной степени) их общин со стороны, прежде всего, англичан.

Как пишет автор нашуемвшей и очень неоднозначной книги о ваххабизме, Натана ДеЛонг-Ба, «модернисты» действовали в условиях колониального положения, то есть контроля мусульманских обществ извне. Их призывы к обновлению мусульманского образа жизни и противостоянию с западным миром были связаны, по ее мнению, именно с этим обстоятельством [8, с. 245]. Парадоксальной отличительной чертой модернистской мусульманской мысли являлось также то, что прямого призыва к вооруженной борьбе с колонизаторами, как правило, не было. ДеЛонг-Ба пишет, что модернисты «стремились, проявляя большую гибкость, направить исламское общество на свой путь развития, наводя своего рода мосты между религией Пророка и Западом» [8, с. 242]. Ей вторит и автор очерка о Мухаммаде Абдо [9, с. 48].

Западное влияние было очень сильно в сирийских районах в первое десятилетие XX в. Как видно из донесений нашего консула, дело доходило до обсуждения среди мусульман, какие из колонизаторов (англичане или французы) предпочтительнее для них после краха империи. В таких условиях нельзя исключать, что реализуя свою политику в «зонах особого влияния», в частности, англичане могли заигрывать с исламистами. О военной помощи англичан друзским ополчениям хорошо известно. Подобным образом можно предположить, что те ружья и боеприпасы, которые получали участники апрельского мятежа 1909 г., имели сходное происхождение. Идейное подкрепление такому тактическому союзу сторонников халифата и могущественных европейцев отчасти предоставляли проповедники-«модернисты», выступавшие в тот период в авангарде политического ислама. Их противоречивые мысли о противостоянии западному влиянию и одновременно гибкости в отношениях с колонизаторами вполне могли при желании истолковываться в пользу таких временных тактических альянсов. По принципу: «для благой цели все средства хороши».

Если до начала Первой мировой войны были все основания видеть за подпиткой исламистских групп Англию, то впоследствии появились свидетельства, что эту инициативу пыталась перехватить Германия. Причем ее поддержка панисламистской активности распространялась на многие земли Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки, а также и российские территории, населенные мусульманами. Условия войны придавали особый импульс желанию использовать исламистские течения в своих геополитических интересах. Например, в секретной телеграмме российского посланника в Берне от 12/25 июня 1916 г. сообщалась такая информация от осведомителя: «Панисламистская пропаганда многочисленных немецких и турецких агитаторов, наводнивших Швейцарию, не дала до сих пор осязательных результатов. Наибольшее внимание немцы и младотурки обратили на работающую здесь египетскую национальную партию Мухамеда Ферида, так как целью (ея) является независимость Египта и создание Арабского Халифата, а официальной – освобождение Египта от Англии... Неудача панисламистской агитации в Египте и других странах приписывается немцами неумелости Турецкого Правительства, и они решили поэтому (будто) перенести главный центр пропаганды из Константинополя в Берлин»¹.

О немецкой и австро-венгерской агитации, направленной на российских мусульман, хорошо известно. Вот какими словами, к примеру, оканчивается русскоязычная листовка того времени: «Покидайте ряды русской армии, этого злейшего и непримиримого врага ислама, халифата и Оттоманской империи. Присоединяйтесь к войскам Австрии и Германии, к друзьям вашего халифа, которые вас примут с распростертыми объятиями» [10, с. 8]². Разгром Германии в войне разочаровал поддавшихся на такую агитацию и заставил потерпевшие поражение страны на многие годы свернуть свою активность на Ближнем и Среднем Востоке.

Англия отстояла тогда значительные территории бывшей Османской империи в новых формах колониальных владений. Одной из них был мандат на Палестину, где под контролем англичан разворачивалась прелюдия трагедии палестинцев, прибегавших для своей защиты то к народным выступлениям, то к исламистскому отпору переселенцам и колонизаторам. Особня-

¹ АВПРИ. Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Д. 4383. 1916–1917. Секретная телеграмма Посланника в Берне № 368 от 12/25 июня 1916 г. Л. 3.

² Авторы ссылаются на: ГАРФ. Ф. 1834. Оп. 1. Д. 700. Л. 1.

ком стоит подмандатный Ирак с вечной повесткой сосуществования разных конфессий и соседства с шиитским персидским миром. Но для нашей темы особенно важно упомянуть британский протекторат над Египтом. Именно сюда переместился центр мысли политического ислама. В египетской Исмаилии – городке строителей Суэцкого канала, переданного по договору Британии почти на столетие, – была основана организация «Братья-мусульмане» (БМ). Создателем этой теперь всемирной сети считается 22-летний Хасан аль-Банна, молодой педагог, приехавший преподавать в Исмаилию и тут же организовавший кружок единомышленников. Интересно, что только через четыре года, в 1932 г., отделение БМ было открыто в египетской столице, что навевает на мысль, что в качестве «опытной площадки» для вызревания исламистской структуры планировался провинциальный городок, связанный с Каналом.

О связях БМ с Британией говорят много, однако в отношении начального периода этой организации подобная мысль высказывается, как правило, лишь на уровне предположений. Вот один из примеров таких утверждений: ««Братья-мусульмане» – это детище соглашения Сайкса-Пико, и организация использовалась как политический инструмент британской разведки, гитлеровского Третьего рейха и разведки США»¹. В этом и подобных высказываниях здравый смысл заключен в том, что еще задолго до собственно создания организации предпринимались попытки использовать потенциал исламизма в маневрах по защите колониальных интересов. Об этом косвенно свидетельствуют изданные документы британского внешнеполитического ведомства. В частности, сам тон приводимых сведений и распоряжений большинства документов по этому региону говорит в пользу гипотезы о прямой поддержке исламистов и использовании их в своих интересах [11].

Далеко не только название роднит стамбульско-сирийское МБ с египетским БМ. Обе организации возникли в обстановке нараставшего западного влияния и обе использовали лозунги противодействия ему, хотя в преследовании иностранцев и погромах их владений не замечены. Обе они считаются ультраконсервативными, провозглашавшими возврат к шариату, но опирались на идеи тех, кого принято считать модернизаторами ислама. Но самое очевидное то, что обе, имея своей широкой социальной базой низшие слои

¹ Laos, Nicolas. Western imperialism, 'muslim extremism', and zionism: A controversial and explosive triangle // P-Tехно, 07.07.2015. http://r-techno.org/main/news/news_152.html.

уммы, а основной опорой средние городские слои, они обе противостояли другой части общества – по сути, светским националистам. В Османской империи именно младотурки стали противоборствующей силой, которая вскоре и одержала верх. В Египте же после победы «Свободных офицеров» в 1952 г. очень скоро БМ заняли позицию противостояния им как носителям идей светского арабского национализма и тоже проиграли (в 1954 г. организация была разгромлена).

Итак, предрассветные отблески исламизма...

Иными словами, очень похоже, что МБ османских событий представляет собой один из элементов начального этапа развития исламизма, который через два десятилетия подхватит организация с похожим названием и сходными характеристиками, но гораздо более широко известная. Образно говоря, заря исламистской проблематики ближневосточного региона, как оказывается, занималась в Стамбуле и сирийских городах (Дамаске и Алеппо) еще в начале XX в., впоследствии ярко разгоревшись в Египте и других африканских странах. Первые десятилетия следующего века, XXI века продолжили эту горькую тенденцию. Подъем сирийских БМ, начиная с «дамасской весны», победа БМ на выборах в Турции в 2002 г. и закрепление их Партии справедливости и развития у власти в последующие годы, приход к власти египетских БМ в 2012 г. (Партия свободы и справедливости)¹ и широчайшие полномочия при президенте Мухаммаде Мурси – все эти события связаны ровно с теми же городами и странами, что и около столетия назад.

Пожалуй, еще один исторический факт достоин упоминания в связи с исламистской угрозой, которой были обеспокоены британцы в начале XX в. На одном из заседаний Палаты лордов Парламента в феврале 1908 г. заслуженный дипломат, многолетний британский генеральный контролер Египта и зоны Суэцкого канала, граф Кроумер, лорд Ивлин Бэринг сказал следующее: «Пару лет назад я направил депешу в Форин Оффис, в которой говорилось об опасностях панисламистского движения в Египте. Некоторые считали, что опасности преувеличены, и та быстрота, с которой с движением удалось справиться, определенно придает значение этому мнению. Но я сильно сомневаюсь, преувеличивал ли я. Мне кажется, что событие, получившее известность как инцидент на Синайском полуострове, было похоже на яркую

¹ Партия была зарегистрирована в апреле 2011, распущена в августе 2014 г.

картину, внезапно выхваченную на политическом экране волшебным фонарем. Он показал, с какой молниеносностью может разгореться ненависть, и явился очень доходчивым, хотя и очень кратковременным проблеском настоящих трудностей, лежащих в основе всех тех проблем восточного правительства (Oriental government). Вывод, к которому я прихожу, заключается в том, что следует приветствовать все, что можно сделать для смягчения неизбежного риска, связанного с соперничеством европейских держав в «восточном вопросе». Я приветствую [обсуждаемое] Соглашение с Россией не только потому, что считаю его способствующим скорейшему установлению мира в этой части света, но и потому, что оно способно облегчить наши действия по остальным европейским вопросам, в которых эта страна остается и должна всегда оставаться так тесно заинтересованной»¹.

Ясно, что лорд Бэринг широко смотрел на геополитический расклад сил по тогдашнему «восточному вопросу» и, очевидно, отводил важное место в нем набиравшему силу ближневосточному (пан-)исламизму. Не исключено, что практическая хватка этого яркого и даже одиозного деятеля позволила ему задуматься над возможностью использовать эту силу в интересах Британии. Интересно, что именно его, скончавшегося в 1917 г., некоторые считают инициатором создания египетской исламистской организации БМ².

На заре активизма «братьев» у российского консула в Дамаске были все основания подозревать их прямую связь с англичанами, но и в настоящее время наиболее деятельный европейский центр БМ находится именно в Британии. Развитый интернет-портал «The Global Muslim Brotherhood Daily Watch» (<https://www.globalmbwatch.com/>) подробно освещает повестку их британского центра. Другой значительный интернет-портал исламистов «Middle East Monitor» (<https://www.middleeastmonitor.com/>) действует из этой же страны. Если все это есть продолжение инструментального использования исламизма (суннитского направления), то начало его следует искать в исторической эпо-

¹ 20th Century House of Lords Hansard Sessional Papers. 4th Series, Vol. 183, 1908. House of Lords Hansard. Lords Sitting of Thursday, 6th February, 1908. (Pp. 997–1048). P. 1027–1028. URL: <https://parlipapers-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/parlipapers/docview/t71.d76.lids4v0183p0-0006?accountid=108701>.

Политики той эпохи, похоже, гораздо более трезво, чем теперь, оценивали роль России и ее возможности в решении мировых проблем, например таких, как исламистская угроза.

² Хвалин А. «...Управление Египта уже захвачено англичанами»: Секретная записка генерального консула в Египте А.И. Кояндера министру иностранных дел Российской Империи Н.К. Гирсу // Имперский Архив. URL: <http://archive-khvalin.ru/upravlenie-egipta-uzhe-zaxvacheno-anglichanami>.

хе, непосредственно предшествовавшей колониальному переделу Ближнего Востока, а именно в первом десятилетии XX в.

Литература

1. Сейранян Б.Г. *Мухаммед Абдо: творец мыслящего Египта*. Восток (Oriens). 2011;(2):32–42.
2. Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. *Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений*. Институт востоковедения РАН. М.: Индрик, 2015. 464 с.
3. Котлов Л.Н. *Становление национально-освободительного движения в Арабских странах Азии, 1908–1914 гг.* Отв. ред. Н.А. Иванов; ИСАА МГУ. М.: Наука, 1986. 376 с.
4. Кондурушкин С.С. *Оживает ли Турция? Русское богатство*. 1909; (5)2:54–79.
5. Кепель, Жиль. *Джихад: Экспансия и закат исламизма* / пер. с фр. В.Ф. Денисова. М.: Ладомир, 2004. 468 с.
6. Dreyfuss, Robert. *The Roots of the Muslim Brotherhood* // Executive Intelligence Review. 1980;7(1):33–36.
7. Dreyfuss, Robert. *Devil's Game: How the United States Helped Unleash Fundamentalist Islam*. Metropolitan Books, 2006. (Serie: American Empire Project). 408 p.
8. ДеЛонг-Ба, Натана Дж. *Реформы Мухаммада Ибн Абд аль-Ваххаба и всемирный джихад*. М.: Ладомир, 2010. 376 с.
9. Moaddel, Mansoor; Talattof, Kamran (eds.) *Modernist and Fundamentalist Debates in Islam: A Reader*. New York etc.: Palgrave Macmillan, 2002. 382 p.
10. *Из истории мусульманского движения Евразии начала XX века*: Сб. материалов. Сост., предисл. и примеч. С. Исхакова и С. Цвиклински. М., 2016. 112 с.
11. *Islam: political impact 1908–1972*. Ed. by Jane Priestland. Cambridge Archive Edition, Near and Middle East, 2004. (12 Vols.) Vol. 1: 1908-1915. (British Documentary Sources).

References

1. Seyranyan, Bagrat G. *Muhammed Abdo: tvorec mysljashhego Egipta* [Mohammed Abdo: the creator of thinking Egypt]. *Vostok (Oriens)*. 2011;(2):32–42.
2. Smilyanskaya, Irina M., Gorbunova, Natalya M., Yakushev, Mikhail M. *Sirija nakanune i v period Mladotureckoj revoljucii. Po materialam konsul'skih donesenij* [Syria on the Eve and in Time of Young Turk Revolution. By Materials of Consul Reports], Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Indrik, 2015, 464 p. (In Russian)
3. Kotlov, Lev N. *Stanovlenie nacional'no-osvoboditel'nogo dvizhenija v Arabskih stranah Azii, 1908–1914* (The Formation of the National Liberation Movement in the Arab Countries of Asia, 1908–1914), Moscow, Nauka, 1986, 376 p. (In Russian)
4. Kondurushkin, Stepan S. *Ozhivaet li Turcija?*, *Russkoe bogatstvo*, 1909;(5)2:54–79. (In Russian).
5. Kepel, Gilles. *Dzhihad: Jekspansija i zakat islamizma* [Jihad: Expansion et declin de l'islamisme]. Moscow, Lodomir, 2004. (Russian translation).
6. Dreyfuss, Robert. *The Roots of the Muslim Brotherhood* // *Executive Intelligence Review*. 1980;7(1):33–36.
7. Dreyfuss, Robert. *Devil's Game: How the United States Helped Unleash Fundamentalist Islam*. Metropolitan Books, 2006. (Serie: American Empire Project).
8. DeLong-Bas, Natana J. *Reformy Muhammada Ibn Abd al'-Vahhaba i vseмирnyj dzhihad* [Wahhabi Islam From Revival and Reform to Global Jihad]. Moscow, Lodomir, 2010. (Russian translation).
9. Moaddel, Mansoor; Talattof, Kamran (eds.) *Modernist and Fundamentalist Debates in Islam: A Reader*. New York etc.: Palgrave Macmillian, 2002.
10. Iskhakov, Salavat, Tsviklinsky, Sebastian (eds.) *Iz istorii musul'manskogo dvizhenija Evrazii nachala HH veka: Sb. materialov* [From the history of the Muslim movement in Eurasia in the early twentieth century: Coll. of materials]. Moscow, 2016. (In Russian, German, French).
11. *Islam: political impact 1908–1972* / ed. by Jane Priestland. Cambridge Archive Edition, Near and Middle East, 2004. (12 Vols.) Vol. 1: 1908-1915. (British Documentary Sources).

Информация об авторе

Сарабьев Алексей Викторович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация; главный редактор ежегодника «Религия и общество на Востоке» Института востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Aleksei V. Sarabiev, Ph.D. (Hist.), Leading Researcher of the Centre of Arabic and Islamic Studies of Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, Editor-in-Ch «Religion and Society in the East» of Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 03.07.2019 г.
Одобрена рецензентами: 15.08.2019 г.
Принята к публикации: 27.08.2019 г.

Article info

Received: July 03, 2019
Reviewed: August 15, 2019
Accepted: August 27, 2019